

В. Т. Сиротенко

БОРЬБА ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ И ВИЗАНТИИ ЗА ПРЕФЕКТУРУ ИЛЛИРИК В 395—425 гг. И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

На рубеже IV и V вв., когда западные римские провинции больше всего нуждались в помощи правительства и в согласованных действиях против варварских племен, неудержимо прорывавшихся через Рейн и Дунай, ни такой помощи, ни согласованных действий не было. Правительство Западной Римской империи постоянно выводило войска из провинций, ослабляя их оборону, и готовилось к войне против Византии. Дважды римские войска вторгались в провинции византийской префектуры Иллирик, пытаясь подчинить ее своей власти. В настоящей работе рассматриваются причины и последствия такой политики.

В конце III в. управление Римской империей из единого центра стало невозможным. Возросшая социальная опасность и натиск соседних племен заставили римское правительство считаться с малой подвижностью легионов и создать аппарат управления в наиболее опасных местностях и направлениях. Империя была разделена между двумя августами, каждый из которых назначил себе цезаря — помощника и будущего преемника. «Следствием новой системы было угнетение провинций: провинции должны были теперь содержать четырех правителей с их дворами и столько же армий. Однако это разделение было единственным средством сохранить Империю»¹.

Рим не был экономическим центром огромной Империи. «Рим вообще всегда оставался всего лишь городом, и его связь с провинциями была почти исключительно политической и, конечно, могла быть также и нарушена политическими событиями»². В условиях IV в. понадобился новый центр Империи. Им стал Константинополь, являвшийся центром обширной торговли³. Однако непосредственное управление западными провинциями по-прежнему осуществлялось двумя особыми дворами, находившимися в Треверах и Милане.

В конце IV в., когда римские легионы перестали быть решающей силой армии и первая роль на поле боя перешла к легким вспомогательным кавалерийским отрядам и частям из варварских наемников, присланных по договору варварскими племенами, от-

крылась возможность, используя большую подвижность кавалерии, подавлять ими внутреннюю и внешнюю опасность, имея их под единым управлением. В таких условиях правящие верхушки Рима и Константинополя выступили с великодержавными планами и выдвинули требования сделать свои города центрами единой Империи⁴. С этого времени началась борьба за единство Империи и первенство в ней одного города.

Император Феодосий использовал новые возможности для объединения в своих руках управления Империей. Усилению его власти способствовали и события внутреннего и внешнеполитического порядка.

В противовес Феодосию, определенные группировки господствующего класса западных провинций Империи выдвинули на трон сначала Максима (382—388), затем Евгения (392—394).

Большая сплоченность господствующего класса восточных провинций Империи, значительные материальные средства, поступавшие в распоряжение Константинопольского двора, и необходимость мобилизации всех потенциальных возможностей государства для борьбы против варваров на Дунае и против социальной опасности в городах, оказались на пользу Феодосию. Он не только ликвидировал внутреннюю и внешнюю опасность, но и получил путем подкупа поддержку в походе против Максима (388) и Евгения (394). После победы над Евгением (394) Феодосий стал единым государем. Однако единство Империи было формальным. Внутренней спайки между двумя частями не было. Поэтому в каждой из них сохранились свои правительства, отражавшие особые интересы господствующего класса, а в 395 г. Империя была окончательно разделена на две части — Западную Римскую империю и Восточную Римскую империю (Византию).

По целому ряду вопросов (и прежде всего — в борьбе против социальной опасности) интересы господствующего класса двух частей Империи совпадали, и они иногда даже шли на помощь друг другу или действовали совместно, что особенно проявилось в преследовании сторонников еретических учений. Но по ряду вопросов интересы были противоположны, что явилось почвой для развития противоречий между ними. Несколько смягчить эти противоречия и объединить перед лицом социальной и внешней опасности должно было то, что во главе двух частей были поставлены сыновья Феодосия — Аркадий в Византии, а Гонорий — на Западе. Однако, чтобы лучше отстаивать свои интересы, каждая из двух группировок господствующего класса поставила у руля государственного управления таких людей, которые в данный момент казались наиболее подходящими, тем более, что оба наследника Феодосия были малолетними и нуждались в опекунах. На Западе фактическим главой правительства стал романизированный вандал Стилихон, в Византии, кельт по происхождению, Руфин.

Под командованием Стилихона находились значительные военные силы, в том числе — экспедиционные войска Византии, прини-

мавшие участие в войне против Евгения. Правящая верхушка Запада надеялась использовать эти войска для реализации своих великодержавных планов. Часть этой верхушки выдвинула требование немедленного возвращения префектуры Иллирик под управление Миланского двора.

После окончательного раздела Империи (395) началась подготовка правительства Запада к реализации этих планов, что привело к обострению отношений между двумя правительствами и способствовало дальнейшему ослаблению обороны Западной Римской империи.

Вопрос о принадлежности префектуры Иллирик породил настоящую вражду двух правительств.

С конца III в. префектура Иллирик находилась под управлением Миланского двора. Во время войны Феодосия против готов эта префектура стала его базой, а Фессалоника — местом военной ставки.

После победы Феодосия над Максимом и Евгением префектура Иллирик, включавшая диоцезы Македонии и Дакии с одиннадцатью провинциями, охватывающими Дакию, Мизию, Дарданию, Превалентину, Эпир, Македонию, Фессалию, Ахайю (Элладу) и Крит, была окончательно подчинена Константинопольскому двору и осталась за ним после раздела Империи в 395 г. Западный Иллирик, или диоцез Иллирик (Паннония, Норик и Далмация), по-прежнему находился под управлением Миланского двора и входил в состав префектуры Италии.

Вхождение префектуры Иллирик в состав Византии диктовалось ее экономическими связями, географическим положением, этническим составом основной массы населения и интересами снабжения Константинополя и византийской армии. Анонимный географ IV в. свидетельствует, что провинции Иллирика получали высокие урожаи и не только обеспечивали себя всем необходимым, но и снабжали соседей хлебом и солониной, оливковым маслом и сыром, рыбой и строительным лесом, железом и свинцом⁵.

Поскольку пагубные последствия кризиса рабовладельческого способа производства сказывались на Западе очень остро, то его правительство не могло наверстать потерю доходов от Иллирика путем усиления фискального нажима в западных провинциях.

Оказались под угрозой интересы многих земельных собственников, занимавших высокие посты в Риме и Милане. Некоторые из них раньше проживали в Иллирике и сохранили там свои поместья, продвинувшись в Рим и Милан по служебной лестнице. И те, которые прибыли из других частей Империи и выдвинулись на высокие посты в Риме и Милане, использовали свое положение для того, чтобы приобрести или захватить поместья в Иллирике. И хотя законы гарантировали земельную собственность в одинаковой мере в обеих частях Империи, реальная действительность была иной. Земельные собственники, находившиеся на высоких постах в Риме и Милане, не могли обеспечить себе налоговых

льгот в византийском Иллирике, а чиновники Константинополя, ведавшие в нем раскладкой и сбором налога, имели много способов и возможностей разорить их и прибрать поместья к своим рукам.

Оказались задетыми и интересы Рима.

Рим жил на привозном продовольствии, доставляемом, главным образом, из романизированной Северной Африки.

В конце IV в. усилились народные движения в Северной Африке, носившие антиримскую направленность и социальный характер. Усилился и натиск соседних африканских племен, у которых находили убежище революционные и оппозиционные элементы романизированной части Северной Африки. Это привело к тому, что местная знать, не получая достаточной помощи от Рима для борьбы против внутренней и внешней опасности, стала проявлять сепаратистские тенденции и добиваться усиления собственного аппарата управления и подавления. Такое положение ставило под угрозу бесперебойное снабжение Рима и увеличивало его заинтересованность в префектуре Иллирик.

Поскольку под командованием Стилихона оказались войска Запада и значительные военные силы, приведенные в Италию против Евгения, то ему досталось опекуновство над малолетним императором Гонорием и поддержка различных группировок западной знати.

Лично Стилихон стремился стать во главе Империи в целом и, ссылаясь на устное завещание Феодосия, умершего 17 января 395 г., заявил претензии на опекуновство над обоими императорами. Свидетелей такого завещания не было⁶. Скорее всего, его придумал Стилихон.

Поскольку же в Константинополе у власти оказался Руфин, то предстояло еще добиться его свержения. Ради этого Стилихон стал поддерживать претензии знати Рима и Милана и принял позу трибуна ее интересов. Личный секретарь Стилихона, поэт Клавдиан, опозитизировал стремления своего патрона и связал их с планами римской знати, особенно знати Рима и Милана.

Клавдиан понимал, что Стилихону, выходцу из Византии и вандалу по происхождению, трудно без поддержки знати удержаться на посту фактического главы правительства Запада и добиться такого же положения в Византии. Нужна была и поддержка плебса, чтобы иметь его в качестве противовеса знати для усиления личной власти Стилихона. Поэтому, Клавдиан выдвигал такие лозунги, которые способствовали объединению различных группировок знати вокруг Стилихона, и придавал этим лозунгам видимость борьбы за народные интересы.

Пропаганда Клавдиана в течение десяти лет пользовалась популярностью в Италии и способствовала привлечению значительной части римской знати и римского плебса на сторону Стилихона.

Клавдиан рисовал радужную перспективу возрождения былого величия Рима, утверждая, что «Стилихон поведет конницу, сопер-

ничающую своей белизной со снегом, и возле его триумфальной колесницы, увенчанной кровавыми пальмами, будет раздаваться крик о победе, а короли варваров поползут за ним, обагренные кровью»⁷.

Поскольку крупные землевладельцы уже не были заинтересованы в завоевательных войнах как источнике пополнения рабочей силы за счет военнопленных-варваров, ибо эта сила уже пополнялась за счет внутренних людских ресурсов, путем закрепощения мелких крестьян и других тружеников, да и на победу в войне против варваров трудно было рассчитывать в условиях, когда наступил перевес сил варваров над силами Рима, Клавдиан, вслед за выскопарными словами о победоносных войнах против варваров, пропагандирует военный поход в Иллирик и Африку, напоминая, что римские полководцы «диктовали законы на берегах Иллирика и на равнинах Африки»⁸. В ряде произведений Клавдиан прямо призывал к войне против Византии.

Подобные призывы встретили отпор византийского правительства и способствовали обострению отношений между двумя дворами. Готовясь к схватке, каждое правительство искало себе союзников среди провинциальной знати и привлекало на свою сторону варваров, что способствовало усилению провинциальной знати, увеличению варварских сил в пределах обеих частей Империи и усилению позиций варваров. В условиях, когда правительство Запада готовилось к войне против Византии и провинциальная знать не могла рассчитывать на его помощь, различные ее группировки по собственной инициативе завязывали переговоры с предводителями соседних варварских племен, надеясь использовать их против социальной опасности и для защиты своих владений извне.

Особенно опасным для Западной Римской империи оказалось усиление вестготов.

Среди варварских вспомогательных войск, находившихся в подчинении Стилихона во время войны против Евгения в 394 г., были вспомогательные войска вестготов (около 20000 чел.), потерявшие в битве половину своего состава. После окончания войны они возвратились в Нижнюю Мизию и Фракию.

В 395 г., после смерти Феодосия, вестготский предводитель Аларих возглавил тех воинов, которые являлись противниками мира, и двинулся на Константинополь, опустошая жилища местных жителей⁹.

Возле Константинополя произошла встреча Алариха и Руфина, после чего Аларих повел вестготов в Грецию. По мнению Зосима и Марцеллина Комита, Руфин направил вестготов в Грецию¹⁰. Такое решение Руфина объясняется необходимостью расплатиться с вестготами за участие в войне и стремлением иметь там войска, обеспечивающие интересы византийского правительства. Руфин, по существу, предоставил вестготам возможность самим выколотить из жителей префектуры Иллирик компенсацию за участие в войне и

дал указание обеспечить беспрепятственное продвижение вестготов¹¹.

Многочисленные факты, сохранившиеся в рассказах Зосима и Евнапия, Иеронима и Клавдиана, Филосторгия и других писателей о вестготском походе дают основание рассматривать его как грабительский, завоевательный и несправедливый. В свете этих фактов является несостоятельной теория Фюстель де Куланжа о союзе угнетенных масс с вторгнувшимися в страну германцами¹², теория, которую вслед за Фюстель де Куланжем германистическая историография перепела на свой лад, изображая вторгнувшихся германцев как освободителей местного угнетенного населения¹³. Влияние этой теории, созданной с помощью наиболее распространенного и наиболее несостоятельного приема в науке — путем подбора и выхватывания отдельных фактов и замалчивания массовых фактов противоположного характера, сохраняется и до настоящего времени¹⁴.

Вступив в Македонию и Фессалию, вестготы грабили местных жителей, убивали мужчин и стариков, а женщин и детей уводили в неволю. Вестготы опустошали могильные памятники и гробницы¹⁵, древние храмы и общественные здания¹⁶, являвшиеся местами сосредоточения драгоценностей.

Клавдиан, имевший возможность наблюдать последствия вестготского похода в Фессалии и Греции, рассказывает, что «вся Европа до пределов зеленой Далмации отдана на поношение и добычу готским полчищам: вся земля, находящаяся между зыбкой поверхностью Понта и волнами Адриатики, приняла одичалый вид, лишена стад скота и необитаема никакими колонами»¹⁷.

В ответ началась освободительная борьба народных масс Иллирика против вестготских захватчиков.

В Фессалии местные жители организовали засаду на горе Пинд, возле устья реки Пиней. Когда вестготы переправлялись через реку, фессалийцы напали на них и убили 3000 человек. Затем фессалийцы заперли вестготов в горных долинах, препятствуя им совершать грабительские рейды в соседние селения¹⁸.

Грабежи вестготов дискредитировали правительство Руфина, направившего их в Грецию, и дали повод Стилихону весной 395 г. вступить в Фессалию, занятую вестготами, выдавая себя за защитника фессалийцев.

Летом 395 г. войска Стилихона находились в Фессалии, кормились за счет ее жителей, но не вступали в столкновения с вестготами. Демагогические заявления о помощи фессалийцам, высказанные Клавдианом, оказались фальшивым пропагандистским приемом, преследующим цель оправдать оккупацию римскими войсками Фессалии.

Византийское правительство от имени императора Аркадия потребовало от Стилихона отвести войска Запада обратно, а византийские войска, находившиеся под его командованием со времени войны против Евгения и приведенные в Фессалию, отослать в

Константинополь. Стилихон, выдававший себя за опекуна обоих малолетних наследников Феодосия, был вынужден выполнить такое требование, предварительно вступив в заговор с готом Гайной, который командовал византийскими вспомогательными войсками, отсылаемыми по требованию Аркадия в Константинополь.

Судя по дальнейшим событиям, Стилихон избрал Гайну орудием своей политики, однако и у Гайны были свои планы. Тем временем и в Константинополе созрел заговор против Руфина.

В деятельности Руфина проявилась обычная для рабовладельческой монархии практика, когда одна группировка господствующего класса, добившись преобладания и победы над другой, став у руля государственного управления, немедленно прибирала к своим рукам богатства политических противников. Зосим рассказывает об ограблении Руфином путем конфискации богатств Промота, Татиана, Прокла и Лукиана¹⁹. Имеется и официальное свидетельство этого — закон, изданный после смерти Руфина, предписывающий забрать все награбленное в казну.

Во главе заговорщиков стал евнух Евтропий. Еще в апреле заговорщики сумели расстроить подготовленное Руфином бракосочетание его дочери с императором Аркадием. В день свадьбы, когда Руфин ожидал в своем дворце прихода Аркадия, заговорщики завели Аркадия в дом Промота, где добились его согласия обвенчаться с Евдоксией, воспитанницей Промота и дочерью умершего полководца франка Баутона. Подмена невесты ослабила позиции Руфина, но и заговорщики находились в постоянном страхе перед могущественным временщиком и искали силы, чтобы свергнуть его. По мнению Зосима, Евтропий поддерживал планы Стилихона, направленные на устранение Руфина²⁰.

В конце ноября 395 г. вспомогательные войска под командованием Гайны подошли к Константинополю. Возле Золотых ворот их встретили придворные во главе с Руфином. Солдаты Гайны окружили Руфина и убили.

После убийства Руфина фактическим главой византийского правительства стал Евтропий. Отстаивая интересы господствующего класса в целом, Евтропий нуждался в военной силе, которую можно было противопоставить не только социальной и внешней опасности, но и оттиснутым от политической власти сторонникам Руфина. Такой силой стали готские войска Гайны.

Чтобы оплачивать готских наемников, Евтропий конфисковал богатства Руфина и его сторонников и увеличил бремя налогов, но, как свидетельствует Зосим, он все же не смог удовлетворить ненасытную жадность варваров²¹.

Пока происходили эти события, вестготы Алариха из Фессалии направились в Беотию. Им предстояло пройти Фермопильское ущелье, прославившееся в древности беспримерной стойкостью трехсот спартанцев. Геронтий, стоявший во главе византийского гарнизона, оборонявшего Фермопилы, отвел солдат и пропустил вестготов.

В Беотии Аларих был вынужден отказаться от осады Фив, главного города провинции²², что, несомненно, связано не только с трудностями осады города, расположенного на высоком холме и окруженного крепкими стенами, но и с решимостью горожан отстоять эти стены. Сохранившаяся надпись на монументе, возведенном горожанами в честь ипата Руфа, возглавившего оборону города, свидетельствует о том, что горожане под руководством Руфа мужественно обороняли свой город²³.

В Аттике решимость стоять насмерть проявили жители Афин. Зосим записал легенду, согласно которой Аларих заметил на стенах Афин богиню, покровительницу города, а у стен — героя Ахиллеса²⁴. Зерно исторической истины в этой легенде то, что в обороне города участвовали и женщины (на стенах города) и мужчины (у городских стен). Упорная оборона города заставила Алариха отказаться от осады и завязать переговоры с представителями горожан.

Стихийное выступление фессалийцев, фиванцев и афинян против вестготов свидетельствует о глубине и силе освободительного движения народных масс, направленного не только против вестготов, но и против византийского правительства, помогавшего им. Как свидетельствует Зосим, «Греция из-за алчности римлян была уже не крепка ни оружием, ни воинственными людьми. Она принесена в жертву варварам правящими предателями»²⁵, которые «не обратили внимания на то, что страна будет опустошена варварами, что города будут разрушены, молодое поколение будет перебито, а детей и женщин варвары уведут как военную добычу»²⁶.

Города к югу от Истма не имели крепостных стен, однако и здесь, как это следует из свидетельств Клавдиана, вестготы понесли большие потери. Их кровью наполнились реки Греции, а их кости горели в кострах на ее горах²⁷. Поскольку из свидетельств Зосима известно, что регулярные войска не вступали в сражение с вестготами, а Клавдиан, пытаясь приписать Стилихону славу победителя готов, не мог сообщить хотя бы об одном его успешном сражении с ними, то становится очевидным, что такие потери нанесли вестготам местные жители.

Водворение вестготов в Ахайе (Элладе) препятствовало планам Стилихона. Поэтому он вывел из Галлии три легиона и высадился с ними в Ахайе²⁸.

Деятельность Стилихона в Ахайе была столь же противоречивой, как и объявленная им цель его экспедиции. Ратуя за освобождение Иллирика, он стремился подчинить его римской власти с помощью тех же вестготов Алариха.

Стилихон окружил вестготов на возвышенности Фолое в Эллиде, но не переходил в решительное наступление на их лагерь, а его солдаты вместо того, чтобы изматывать вестготов, разбрелись и грабили местных жителей, отбирая все то, что осталось после вестготских грабителей. Стилихон тем временем предавался пьяным оргиям с бессовестными женщинами²⁹. Вестготы вышли из

окружения, погрузили всю добычу и награбленное добро на паромы и переправились в Эпир.

Тем временем Византия завязала переговоры с комитом Африки Гильдоном. Гильдон прекратил доставку продовольствия в Рим.

Стилихон был вынужден оставить Ахайю, заняться снабжением Рима за счет Галлии и готовить войну против Гильдона. Он вывел шесть легионов из Галлии, чем еще больше ослабил оборону Рейна, и послал войска в Африку, поставив во главе их Масцезеля, брата Гильдона, находившегося во вражде с ним.

После победы над Гильдоном Стилихон снова начал готовить войну против Византии.

Клавдиан в 399 г. написал две книги против Евтропия. В них он восхвалял Стилихона и доказывал право Рима господствовать над всем миром.

Поскольку Константинополь отвергал великодержавные претензии Рима, Клавдиан призывал к войне против Константинополя и требовал разрушения его. «Один город, — пишет он, — мы уступаем фуриям — мстительницам, за искупление мира»³⁰. В войне против Византии Клавдиан призывал использовать готов. Он писал: «Фригийское поле населяется остготами и смешанными с ними грутунгами. Незначительные причины могут толкать их на преступление. Их природа легко возвращается к (их обычным) правам. Пусть будет так: раз в нашей войне застыла сила и он научился повиноваться расслабленным начальникам, пусть северный пришелец отомстит за попранные законы, пусть варварское оружие придет на помощь римскому позору»³¹.

Византийское правительство было в курсе планов Стилихона и сделало свои выводы из призывов Клавдиана, назначив Алариха полководцем Иллирика. В свою очередь правительство Запада объявило Алариха полководцем в Иллирике, надеясь с его помощью подчинить всех иллирийцев своей власти³². Оба правительства не скупились на обещания, чтобы использовать вестготов друг против друга. Такое положение дало возможность Алариху вооружить вестготов за счет государственных арсеналов Марга и Ратарики, Наисса и Фессалоники и заставить местных жителей поставлять ему все необходимое для войны.

Клавдиан, рассказывая о военном совете вестготов, передает содержание речи Алариха, объясняющей причины усиления вестготов: «Теперь, когда мне переданы все права предводителя Иллирика, я заставил римские города заготовить усилиями фракийцев столько шлемов, столько мечей и столько стрел и добывать мне железо. Так мне благоприятствует судьба: те люди, которых я разорял все годы, даны мне в услужение. Со стоном дают они оружие, которое должно принести им вред, и долго при плаче кузнеца краснеет сталь, закаляемая огнем и умением для их ущерба»³³.

Одновременно с усилением вестготов в Иллирике укрепились

позиции готских наемников в Константинополе и диоцезе Азии, что привело к попытке их предводителей Гайны и Требигильда захватить политическую власть в свои руки. Опасность усиливалась тем, что Гайна и Требигильд могли использовать не только наемников, находившихся на византийской службе, но и своих соплеменников, оказавшихся в византийских провинциях на положении федератов, военных поселенцев, колоннов и рабов³⁴.

Гайна был недоволен тем, что все богатства текли в дом Евтропия. Это недовольство становится понятным, если учесть, что находившиеся под командованием Гайны готские наемники выполняли роль карателей и палачей, обеспечивая Евтропию конфискацию богатств сторонников Руфина и сбор налогов.

Гайна вступил в заговор с комитом армии Требигильдом, командовавшим готскими наемниками в Лидии и Фригии³⁵.

Из рассказов Сократа и Созомена известно, что Требигильд, действуя по указанию Гайны, увеличил количество готских наемников и усилил среди них свое влияние, ставя своих единомышленников сотниками и тысячниками, чем вызвал недовольство и волнение среди местных жителей³⁶. В ответ на эти волнения, Требигильд совершил карательный рейд по Лидии и Фригии. В этом рейде Требигильд привлек на свою сторону остготских поселенцев Лидии и Фригии и гарнизоны городов, состоявшие из готских наемников. По рассказу Зосима, «поскольку Требигильду никто не мешал, то каждый город он завоевывал силой, всех жителей убивал, и ни один варвар не помогал ромеям, а наоборот, варвары и их земляки сражались вместе»³⁷.

На борьбу против Требигильда поднялись рабы, крестьяне и горожане. По рассказу Зосима, «известный Валентин, проживавший в Селге, небольшом городе Памфилии, расположенном на холме, среднее ученый человек, немного знакомый с военным делом, собрал толпу рабов и тех крестьян, которые уже привыкли бороться против соседних разбойников, и расположил их на холме так, что можно было видеть всех идущих по дороге, а самим оставаться невидимыми, даже если враг будет проходить днем. Когда Требигильд со своими варварами двинулся по ровной дороге на Памфилию и еще ночью подошел к Селге, то на варваров напала засада, бросавшая на них катапультами и вручную большие камни. Поскольку с одной стороны дороги было болото и море, а с другой — только тесный проход, по которому едва могло пройти два человека, к тому же, и этот кругообразный проход, прозванный черепахой, охранялся Флоренцием с таким количеством воинов, которого было достаточно, чтобы удерживать идущих, то варвары были большей частью ранены или перебиты. Они были настолько близко расположены друг к другу, что ни один камень не падал мимо. Многие из них бросались в море, и кто избежал камней, тот погиб в болоте. Однако Требигильд с 300 всадниками поднялся к проходу, подкупил Флоренция и его команду, большой суммой денег и бежал, не позаботившись о тех, которые погибали.

Так Требигильд думал избежать опасности, приготовленной ему Валентином, но попал еще в худшее положение. Все жители города, вооружившись всем, что находилось под руками, окружили его с 300 беглецами между реками Меланом и Евримедонтом»³⁸. Только помощь Гайны спасла Требигильда от окончательного разгрома и дала ему возможность снова возобновить грабительский рейд по Фригии, Памфилии и Писидии³⁹.

В 400 г. жители Константинополя сорвали заговор Гайны и уничтожили семь тысяч готов. Когда же Гайна бежал с остатками наемников во Фракию, то оказалось, что крестьяне свезли все продовольствие в города и вместе с горожанами обороняли их стены⁴⁰. Гайна бежал за Дунай, где остатки его отряда, потрепанного во Фракии⁴¹, окончательно разгромили гунны.

Поражение Требигильда и Гайны показало вестготской знати опасность ее положения в византийском Иллирике. Поэтому Аларих повел вестготов в Италию. Из описания этого вторжения, имеющегося у Орозия и Клавдиана, Иеронима и Пруденция, Проспера Тирона и других писателей, известно, что это было типичное вторжение варваров, для которых грабеж казался более почетным, чем созидательный труд, а война являлась промыслом.

В феврале 402 г. стало известно, что вестготы идут на Милан. Придворная знать выдвинула планы бегства в Галлию, Корсику или Сардинию, но Стилихон вызвался привести войска из Реции и отстоять город.

В Реции Стилихон собрал армию не только за счет военных гарнизонов и аланских вспомогательных отрядов, но и путем набора рекрутов среди крестьян. Клавдиан свидетельствует о том, что Стилихон посещал крестьянские хижины и шалаши пастухов, и призывает выдающуюся роль их обитателей в спасении Италии⁴².

Пока Стилихон собирал войско, миланцы упорно оборонялись. На помощь им пришли крестьяне соседних деревень⁴³. Когда же стало известно о подходе войск Стилихона, миланцы атаковали осаждавших их вестготов. По свидетельству Клавдиана, миланцы открыли ворота, и из них, неся знамя, вышла толпа граждан. Стремясь под эти знамена, пахари без сожаления оставили свой плуг, и Беллона больше не улыбалась, увидев людей, оставивших земледельческие орудия ради щита и меча⁴⁴.

Выступление миланцев и крестьян против вестготов помогло Стилихону одержать победы у Полленции (402) и Вероны (403). В битве у Полленции вестготы понесли большие потери и бежали, оставив огромный обоз с награбленным в предыдущих походах богатством: серебряными сосудами и коврами, вазами и статуями, драгоценными сокровищами и одеждой⁴⁵. Благодаря поражению вестготов тысячи захваченных ими пленников получили свободу и помощь для возвращения на родину⁴⁶.

После поражения у Полленции Аларих заключил договор со Стилихоном. Этот договор оставался в тайне до 408 г., когда о нем Стилихон доложил римскому сенату. Аларих получил досто-

инство римского военачальника в Иллирике и обещание 4.000 фунтов золота ежегодно. Его задачей была подготовка к войне против Византии. Вестготам в этой войне отводилась роль авангарда. Ближайшей целью войны было отторжение префектуры Иллирик⁴⁷.

Правительство Западной Римской империи не извлекло уроков из событий 402—403 гг. и не приняло мер для усиления обороны, а еще больше ослабило ее, стянув остатки легионов из Галлии и Британии в Италию для похода против Византии.

Местом сосредоточения экспедиционных войск стала Равенна, являвшаяся с декабря 402 г. резиденцией императора Запада.

Дипломатическая подготовка войны велась от имени императора Гонория и римского епископа (папы) Иннокентия. Гонорий отправил два письма Аркадию, упрекая его в том, что тот стал рабом у «новой Далилы — Евдоксии». Папа Иннокентий отправил послания, посвященные церковным вопросам⁴⁸.

К весне 404 г. все было готово к войне. Аларих ожидал приказа о начале наступления. Но вторжение полчищ Радагайса помешало начать войну против Византии.

После разгрома Радагайса Стилихон возобновил подготовку войны против Византии. В это время опасность на Рейне стала настолько очевидной, что Клавдиан был вынужден выступить с успокоительным заявлением о безопасности рейнской границы. Страх, утверждал он, удерживает германцев от наступления на Рейне, и нет надобности держать там легионы⁴⁹.

Ослабление обороны Рейна и успокоительные речи о его безопасности были явным просчетом правительства Запада. Этот просчет дорого обошелся Галлии.

31 декабря 406 г. аланы, вандалы и свевы форсировали Рейн и, смяв франкский заслон, вторглись в Галлию. Правительственные войска не пришли на помощь Галлии. На борьбу против варваров поднялись местные жители, как об этом свидетельствует Паулин Нолланский. Решительно выступили против варваров горожане Тулузы, Виенны, Бурдигалы, Эколисны, Кадурции, Петрокории и Альбы⁵⁰. В Арморике антиварварское восстание слилось с социальным движением. Восставшие народные массы освобождали свои местности от варваров и одновременно прогоняли римских чиновников, не признавая Равеннского правительства и его чиновников. По свидетельству Зосима, жители Арморики и некоторых других провинций Галлии освободили свои общины от вторгнувшихся варваров, сбросили власть римской администрации и создали свое самоуправление⁵¹. С этого времени движение в Арморике, антиварварское и антиримское по форме и социальное по содержанию, продолжалось до середины V в., получив название движения багаудов.

Чтобы подавить движение багаудов, местная знать сплотилась вокруг Константина (407—411), провозглашенного императором в Британии и вскоре высадившегося и признанного в Галлии.

Провозглашение нового императора означало для Равеннского двора потерю префектуры Галлии (Британия, Испания и Галлия). Можно было опасаться похода Константина в Италию. Сплотившаяся вокруг Константина галло-римская знать могла захватить политическую власть в стране, что угрожало конфискацией земельной собственности у сторонников Равеннского правительства. Поэтому Равеннский двор отложил поход против Византии и направил часть своих войск в Галлию, против Константина.

Аларих, не дождавшись приказа о наступлении против Византии, стянул войска в Эмону и потребовал от Равеннского двора ранее обещанных денег. Обещая их в 402 г., Стилихон предполагал расплатиться за счет ограбления Византии. Теперь же пришлось раскошелиться Риму.

Стилихон объяснил римскому сенату, что в его интересах Аларих готовился к войне против Византии, имея задачу подчинить Иллирик власти Гонория⁵². Сенаторы решили уплатить требуемую сумму. Правда, Зосим, оправдывая сенаторов, утверждает, будто большинство их голосовало из-за боязни перед Стилихоном, а Лампадий заявил: «Это не мир, а выкуп от рабства»⁵³.

После возобновления договора с Аларихом пришло известие о смерти императора Аркадия (1 мая 408 г.).

Смерть Аркадия стала поводом для похода в Константинополь под предлогом защиты малолетнего наследника византийского престола. И хотя его прав никто не оспаривал, в Равенне началась усиленная подготовка к походу. Поскольку поход предполагался триумфальным, то возник спор из-за того, кто его возглавит. Стилихон и Гонорий оспаривали право возглавить его.

События в Галлии и усиление личной власти Стилихона вызвали недовольство староримской знати. Возник заговор во главе с Олимпийем, подготовившим восстание солдат в Тичине.

Восставшие перебили сторонников Стилихона. Стилихон бежал в одну из базилик Равенны, но вскоре был арестован и казнен (23 августа 408 г.).

Во главе правительства стал Олимпий.

Интересы обороны требовали объединения всех сил вокруг правительства. Резкие социальные грани и борьба между различными слоями и группировками жителей мешали такому сплочению. Его можно было добиться только путем социальных преобразований и уступок. Правительство Стилихона еще в 406 г. осознавало необходимость этого. Эдиктом от 17 апреля 406 г. правительство призывало рабов принять участие в обороне страны против варваров, обещая свободу и вознаграждение⁵⁴. Эдикт от 19 апреля 406 г. призывал всех свободных принять участие в обороне и обещал награду в 13 солидов⁵⁵. Конечно, такие уступки не спасали положение, но они были известным шагом для облегчения его. Правительство же Олимпия ничего не сделало в этом направлении и даже ухудшило положение, начав преследование сторонников Стилихона и всех некаатоликов, ариан и язычников,

донатистов и манихеев, присциллиан и всех инакомыслящих⁵⁶. В ряде городов Северной Италии были ограблены расквартированные там семьи варваров-наемников, служивших в римской армии. Тогда 30 000 или больше наемников перешло на сторону Алариха.

Аларих двинулся на Рим и в сентябре 408 г. осадил город.

После получения выкупа Аларих снял осаду Рима и расположил свои войска в нескольких пунктах Тосканы. Почти все рабы, находившиеся в Риме, бежали из города и присоединились к вестготам, так что находившаяся у них масса рабов выросла до 40 000 человек⁵⁷.

Аларих подступил к Равенне и предложил Гонорию союз против всех его врагов при условии предоставления вестготам Норика и зерна для пропитания⁵⁸.

Надеясь на помощь из Галлии, обещанную Константином, и на вызванные из Далмации подкрепления, Гонорий не принял условий Алариха. Тогда Аларих осадил Рим и потребовал совместного выступления против Гонория, угрожая, в случае отказа, раздать своему войску все продовольствие, собранное в гавани.

Римский сенат принял требования Алариха и объявил императором своего префекта Аттала.

Аттал принял арианство, объявил Алариха магистром римской армии и назначил на государственные должности своих сторонников. Уже на второй день он выступил с римскими великодержавными планами на заседании сената и заявил о своем намерении завоевать всю вселенную⁵⁹. Эти планы были направлены прежде всего против Византии. Поэтому византийское правительство стало на сторону Гонория и послало ему военную эскадру с десантом в 4 000 солдат, объявив появление Аттала и Алариха в византийских провинциях «нежелательным и запрещенным ввиду безумства узурпатора (т. е. Аттала) и благополучия варвара (т. е. Алариха)»⁶⁰.

Когда же Алариху не удалось заставить северные провинции Италии признать нового императора, а из Северной Африки прекратилась доставка продовольствия, он снял с Аттала императорские одежды и повел вестготов на Рим. 24 августа 410 г. вестготы взяли и разграбили Рим. По-видимому, город был взят без осады, неожиданно для римлян, поскольку Аларих и вестготы числились на римской службе. Сведений об открытии рабами по их инициативе ворот Рима в источниках нет. Имеются рассказы, будто ворота открыли слуги знатной Пробы, по ее приказанию, и о том, что их открыли готские лазутчики, под видом рабов посланные Аларихом сенаторам в качестве слуг.

Так закончились великодержавные планы римской знати.

Таким образом, попытки римской знати захватить византийские провинции пагубно отразились на положении Западной Римской империи. Эти попытки привели к ослаблению обороны Запада, к усилению варваров и к развитию сепаратистских тенденций в

римских провинциях, поскольку провинциальная знать, не получая поддержки правительства, начала создавать свой аппарат принуждения и связываться с предводителями соседних варварских племен, надеясь на их помощь в борьбе против социальной и внешней опасности.

Прочные экономические связи префектуры Иллирик с остальными византийскими провинциями диктовали необходимость вхождения ее в состав Византии, поэтому своекорыстные интересы римской знати, шедшие наперекор экономическим интересам Иллирика, были реакционными и обречены на провал.

Противоборство римским планам привело к дальнейшему сплочению господствующего класса Византии.

Чтобы лишить правительство Запада плацдарма для новых попыток захвата префектуры Иллирик, в 425 г. Византия добилась ей уступки диоцеза Иллирик.

Вхождение диоцеза Иллирик в состав Византии благоприятно сказалось на закреплении за ней префектуры Иллирик и на обороне всего Балканского полуострова, что в значительной степени благоприятствовало экономическому развитию Византии и ее устойчивости. Этому способствовало и то, что опасаясь вторжения с Запада, правящая верхушка Византии была вынуждена пойти на известные уступки остальным группировкам господствующего класса и народным массам.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ К. Маркс. Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса, т. 5. М., 1938, стр. 10.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. Соч., т. 3, стр. 22.

³ Ф. Энгельс. Действительно спорный пункт в Турции. Соч., т. 9, стр. 11. Такое же значение имел Константинополь и в освещаемую нами эпоху. По свидетельству П. Силентиария в Константинополь «собирались корабли всего мира»: Pauli Silentiarii. Descriptio S. Sophiae, 239.

⁴ Претензии Рима высказал Клавдиан в ряде поэм. Претензии Константинополя — Фемистий в «Посланическом слове» (перевод А. Елгунова. «Поздняя греческая проза». М., 1960, стр. 621—627).

⁵ Анонимный трактат «Полное описание вселенной и народов» (перевод С. В. Поляковой и И. В. Филенковой). — ВВ, т. 8, 1956, стр. 284—285.

⁶ Claudianus. In Rufinum. II, v. 5. In Eutropium., II, v. 599.

⁷ Claud., de consulatu Stilichonis, l. III, v. 14—30.

⁸ Claud., panegyricus dictus Probinō et Olibrio, v. 59—60.

⁹ Claud., In Rufinum, II, v. 7—100. Zosimus. Historia nova, V, 5.

¹⁰ Zosim., V, 5. Marcellini Comitis Chronikon, ann. 395. § 4. MGH AA, XI, p. 64.

¹¹ Zosim., V, 5—6.

¹² Фюстель де Куланж. История общественного строя древней Франции. Т. 11, Спб., 1904, стр. 694—695.

¹³ H. Schiller. Weltgeschichte, Bd. 2. Berl., 1901, S. 8. ders. Geschichte der Römischen Kaiserzeit. Gotha, Bd. 2, 1887, S. 403. A. Dopsch. Wirtschaftliche und soziale Grundlagen der Europäischen Kulturentwicklung, T. 1. Wien, 1923, S. 216.

¹⁴ R. Remondón. La crise de l'Empire Romain de Marc Aurèle à Anastase. Paris, 1964, p. 173. A.H.M. Jones. The later Roman Empire 284—602, v. I, Oxford, 1964, p. 196; R. Mac Mullen. Enemies of the Roman Order Treason, Unrest,

- and Alienation in the Empire. Cambr.—Massach., 1966, p. 264—268; C. D. Gordon. The age of Attila. N.-Y., 1960, p. 23.
- ¹⁵ I. Kovacevic. Varvarska kolonizacija Juznoslovenskih oblasti. Novi Sad, 1960, s. 115. R. Rogosic. Velici Illirik i njegova konacna dioba. Zagreb, 1962, s. 115.
- ¹⁶ Eunapii. Vitae sophistarum, 90—93. Amsterd., 1892, p. 45—52.
- ¹⁷ Claud., In Rufinum, II, v. 36—40.
- ¹⁸ Socrates. Historia Ecclesiastica, VII, 10.
- ¹⁹ Zosim., V, 2—7.
- ²⁰ Zosim., V, 8.
- ²¹ Zosim., V, 8—10.13.
- ²² Zosim., V, 5.
- ²³ Inscriptionum Graecorum., V, 2, 153.
- ²⁴ Zosim., V, 6.
- ²⁵ Zosim., V, 6.
- ²⁶ Zosim., V, 6.
- ²⁷ Claud., De bello Pollentino, v. 536—544.
- ²⁸ Зосим ошибочно объединяет эту морскую экспедицию Стилихона в Ахайю с предыдущей, сухопутной, в Фессалию.
- ²⁹ Zosim., V, 7.
- ³⁰ Claud., In Eutrop., II, v. 39. Unam pro mundo Furiis concendimus urbem.
- ³¹ Claud., in Eutrop., II, v. 153—159. Est opus. Ostrogothis colitur mixtisque Gruthungis Phrux ager: hos parvae poterunt impellere causae in scelus: ad mores facilis natura revertit. Sic eat; in nostro quando iam milite robur torpuit, et molli didicit parere magistro,—vindictet. Arctous violatas advena leges; Barbara Romano succurrant arma pudori.
- ³² Claud., In Eutrop., II, v. 214—218. Zosim., V, 26. Sozomen. Historia Ecclesiastica, VIII, 25.
- ³³ Claud., De bello Pollentino, v. 536—544.
- ³⁴ Synesius. De regno. PG. LXI, col. 1053—1108. Zosim., V, 13.
- ³⁵ Zosim., V, 13.
- ³⁶ Sozomen. VIII, 4. Socrates, VI, 6.
- ³⁷ Zosim., V, 15.
- ³⁸ Zosim., V, 15.
- ³⁹ Zosim., V, 17.
- ⁴⁰ Zosim., V, 19.
- ⁴¹ Zosim., V, 21.
- ⁴² Claud., De bello Pollentino, v. 358—366.
- ⁴³ Claud., De bello Pollentino, v. 450—460.
- ⁴⁴ Claud., De bello Pollentino, v. 460—470.
- ⁴⁵ Claud., De bello Pollentino, v. 606—616.
- ⁴⁶ Prudentius. Contra Symmachum, II, v. 706—745. Claud., De bello Pollentino, v. 605—624.
- ⁴⁷ Zosim., V, 26—27. Sozomen., VIII, 25.
- ⁴⁸ Mansi. Collectio conciliorum, III, 1113—1122
- ⁴⁹ Claud., De bello Pollentino, v. 419—428.
- ⁵⁰ Gregorius Turon., Historia, II, 13.
- ⁵¹ Zosim., VI, 5.
- ⁵² Zosim., V, 29.
- ⁵³ Zosim., V, 29.
- ⁵⁴ Cod. Theod., VII, 13, 16.
- ⁵⁵ Cod. Theod., VII, 13, 17.
- ⁵⁶ Cod. Theod., XVI, 5, 42, 43, 45, 47, 51.
- ⁵⁷ Zosim., V, 42.
- ⁵⁸ Zosim., V, 48.
- ⁵⁹ Zosim., VI, 7.
- ⁶⁰ Cod. Theod., XVI, 10, 19